

Брачные предпочтения женщин и мужчин из числа представителей коренных народов Нижнего Амура и Сахалина

Е. В. Фадеева

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток
ev_fadeeva@mail.ru

Аннотация

Анализ статистических, архивных материалов и литературы позволил сделать следующие выводы. Если во второй половине XIX в. у всех народов преобладали одноэтнические браки, то со второй половины XX в. стали превалировать смешанные браки, в которые более охотно вступали уже женщины. Кроме этого, если раньше межэтнические браки заключались, главным образом, между представителями разных коренных малочисленных народов Севера, то в настоящий момент преобладают браки со славянским населением. Причины данного явления: большой процент кровнородственных связей внутри этносов, неблагоприятное соотношение полов (женщин больше, чем мужчин, особенно в репродуктивном возрасте), нежелание мужчин заниматься хоть чем-нибудь, что еще более способствует поиску брачных партнеров вне своего этноса.

Ключевые слова :

коренные малочисленные народы Севера, Нижний Амур, Сахалин, брачные предпочтения, мужчины, женщины

Территория Дальнего Востока России практически всегда представляла собой конгломерат различных народов и культур, соприкасающихся друг с другом на протяжении долгого времени. Эти взаимодействия, затрагивающие многие области жизнедеятельности, не всегда были мирными. И на сегодняшний день вопрос толерантности стоит очень остро. В связи с этим, актуальность проблемы изучения брачных предпочтений женщин и мужчин из среды коренных этносов Нижнего Амура и Сахалина в прошлом и настоящем не вызывает сомнений.

Цель исследования – проанализировать динамику изменений брачных предпочтений женщин и мужчин из среды коренных этносов Нижнего Амура и Сахалина в прошлом и настоящем в контексте межэтнических отношений и межкультурного взаимодействия.

В статье нашли отражение указанные процессы у трех этносов – нивхов, эвенков и уйльта (ороков), представ-

Marriage preferences of women and men from among the representatives of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin

E. V. Fadeeva

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch, RAS,
Vladivostok
ev_fadeeva@mail.ru

Abstract

The analysis of statistical, archival materials and literature allowed us to draw the following conclusions. If in the second half of the XIX century among all the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin (for example, the Nivkhs, Evenks, Uilta (Oroks)) same-ethnic marriages prevailed, then from the second half of the XX century mixed marriages began to prevail, women more willingly preferred mixed marriages. Besides, if previously interethnic marriages were registered mainly between representatives of different indigenous minorities of the North, then now marriages with the Slavic population predominate. The reasons for this phenomenon are: a large percentage of consanguineous ties within ethnic groups, an unfavorable sex ratio (there are more women than men, especially in reproductive age), and the reluctance of men to do anything, which further contributes to the search for marriage partners outside their ethnic group.

Keywords :

indigenous peoples of the North, Lower Amur, Sakhalin, marriage preferences, men, women

ляющих интерес с той точки зрения, что представители первых двух этносов проживают и на Нижнем Амуре, и на Сахалине, а третий этнос исторически территориально разделен на две группы – северную и южную. Эти факторы накладывают свой отпечаток на брачные предпочтения мужчин и женщин, о чем и будет сказано далее.

Перестройка культуры, хозяйства и быта, рост грамотности, возникновение новых профессий, создание национальной интеллигенции, миграция населения в города, совместный труд в колхозах, на предприятиях и в учреждениях – все эти разнохарактерные и различные по значимости явления оказали большое влияние не только на общий подъем культуры, но и на рост числа смешанных браков и особенно коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС) с русскими. При заключении подобных браков национальные признаки не являлись особым препятствием. Даже старики говорили о том, что при за-

ключении межэтнических браков дети будут красивее и крепче.

После Отечественной войны и особенно после 1950-х гг. на Север стала массами переселяться молодежь из разных концов СССР в связи с интенсификацией его промышленного освоения. Параллельно велась перестройка сельского хозяйства тайги, что также сопровождалось притоком некоренного населения. В местах, где жили коренные народы, либо по соседству с ними открывались рыбозаводы, леспромхозы и т. п. Все эти факторы существенно изменили характер национально-смешанных браков, а также обусловили их постоянный рост. Увеличение численности приезжего населения в XX в., укрупнение национальных сел, превращение их в многонациональные поселения не могли не привести к быстрому росту числа смешанных в этническом отношении семей.

Стоит отметить, что смешанные браки между разными народами Севера были обычны в прошлом, особенно на границах расселения ульчей и нивхов, нивхов и негидальцев, нанайцев и ульчей, негидальцев и эвенков. Однако браки с русскими встречались не столь часто, так как строй жизни русских и народов Севера различался весьма существенно. В конце 1920-х и особенно в 1930-х гг. участились смешанные браки русских с представителями коренного населения. Все же их количество было невелико. Так, например, в Нижне-Амурском районе в 1930-х гг. из 82 зарегистрированных браков коренного населения русско-нивхских и нивхско-русских оказалось всего семь (8,5 %). В дальнейшем количество смешанных браков ежегодно возрастало [1, с. 268].

Данные исследований показывают, что у амурских нивхов во все временные промежутки процент однонациональных браков был меньше, чем смешанных, причем в 1950–1970-е гг. преобладали браки нивхов с представителями других коренных народов (главным образом, с негидальцами – 40 %, и ульчами – 20 %), тогда как с конца 1970-х гг. стали превалировать браки со славянским населением. В конце 90-х гг. XX в. однонациональные нивхские семьи на Нижнем Амуре составляли 37 %, а смешанные – 63 % от общего числа семей, из них нивхо-славянские семьи насчитывали 5,7 %; славянско-нивхские – 24,5; нивх-прочие – 39,6; прочие-нивха – 30,2 % [1, с. 269; 2, л. 175–208; 3, л. 45–69, 211–243, 331–341, 423–428, 479–503].

У сахалинских нивхов картина иная: процент однонациональных браков в советские годы всегда превышал процент смешанных браков, и лишь с конца 1990-х гг. процент смешанных браков существенно возрастает по сравнению с процентом однонациональных. Еще одна особенность смешанных браков сахалинских нивхов заключается в том, что у них во все периоды отмечался очень высокий процент браков со славянским населением (главным образом, с русскими: 27,5 % в 1960-е гг. и 61,9 % в 2000-е гг.). У нивхов Сахалинской области однонациональные семьи составляли 77 %, а смешанные – 23 % от общего числа семей. Смешанные семьи, в свою очередь, подразделялись на нивхо-славянские – 21,6 %; славянско-нивхские – 40,2; нивх-прочие – 13,7; прочие-нивхинка – 24,5 %. Такое по-

ложение вещей объясняется, скорее всего, тем, что нивхи Сахалина проживают достаточно компактной группой, тогда как амурские нивхи как бы растворены по территории Нижнего Амура и окружены не только славянским населением, но и достаточно большой группой других коренных народов – ульчами, негидальцами, нанайцами [4, с. 69, 70].

Приведенные материалы относятся к вновь заключенным бракам. Данные о наличных семьях несколько иные. В 1960-х гг. из 121 нивхской семьи на Лимане однонациональными оказались 105 (86 %). На Амуре из 127 нивхских семей однонациональными оказались 85 (67 %) и 42 смешанные: нивх – негидалка – 9; негидалец – нивхинка – 8; нивх – русская – 7; нивх – ульчанка – 7; русский – нивхинка – 3; кореец – нивхинка – 2; нивх – нанайка – 1; нивх – якутка – 1; нивх – хантыйка – 1; нанец – нивхинка – 1; эвенк – нивхинка – 1; чуваш – нивхинка – 1. Прежде на Амуре среди смешанных преобладали браки нивхов с негидальцами (40 %), на втором месте были браки с русскими (23 %). В 60-х гг. XX в. среди вновь заключенных браков первое место в смешанных браках заняли браки нивхов с русскими (41 % всех смешанных браков), второе – нивхов с ульчами (20 %). В конце 90-х гг. XX в. однонациональные нивхские семьи на Нижнем Амуре составляли 37 %, а смешанные – 63 % от общего числа семей, из них нивхо-славянские семьи – 5,7; славянско-нивхские – 24,5; нивх-прочие – 39,6; прочие-нивха – 30,2 %. У нивхов Охинского района Сахалинской области процент однонациональных семей достигал 77 %, а смешанных – 23 % от общего числа семей. Смешанные семьи, в свою очередь, подразделялись на нивхо-славянские – 21,6 %; славянско-нивхские – 40,2; нивх-прочие – 13,7; прочие-нивхинка – 24,5 %. Причина таких «расхождений» очевидна и свидетельствует о важных современных тенденциях: существующие семьи складывались в течение длительного времени, иногда нескольких десятилетий [5, с. 52, 53].

Интенсивно протекали процессы этнического сближения и межэтнической интеграции и у дальневосточных эвенков. Смешанные в этническом отношении браки имеют у данного народа давнюю традицию и были обусловлены разными причинами. Этнически смешанные браки имели место в прошлом преимущественно в этноконтактных зонах – на границах компактного расселения нескольких народностей, но особенно при их дисперсном, чересполосном расселении. Важную роль играли законы экзогамии. Для представителей малочисленных родов межэтнические браки были нередко единственной возможностью создать семью. Характер таких браков зависел от этнического окружения, но преобладающими были браки с якутами и местными русскими. В бассейне р. Уды эвенки смешивались с казаками Удского острога. К началу 1930-х гг. здесь имелось 114 эвенков-метисов с якутами и потомками казаков. У нелькано-майских эвенков браки с якутами и отчасти русскими стали обычным явлением со второй половины XIX в. в связи с открытием Аяно-Якутского тракта. Для обслуживания почтовых станций в долину Маи тогда были переселены якуты и русские крестья-

не. В целом же к началу XX в. русские и якутские корни «разной глубины залегания» имело большинство дальневосточных эвенков. Тем не менее смешанные браки с русскими, скорее, исключение из правил. Чтобы жениться на русской девушке, необходимо было принять христианство, венчаться в церкви. Большинство русских крестьян считали коренных жителей «нехристями», даже если они и были крещены, поскольку те продолжали сохранять свои традиционные обычаи и обряды. Но не только религиозные предубеждения разъединяли обе стороны: весь быт тех и других значительно различался, что также не способствовало росту смешанных браков. Там, где подобные браки все же имели место, они были односторонними: мужчина принимал крещение, женился на русской и, как правило, поселялся среди русских, часто отрываясь от своих сородичей. Взять русскую жену с собой в тайгу, в хозяйство со столь специфическим укладом было почти невозможно [6, с. 334]. Гораздо чаще русские мужчины женились на представительницах коренного населения. Отметим, что широко распространенные по Сибири эвенки, охотно вступавшие в браки с бурятами, кетами, селькупам, якутами, русскими и другими, в Приамурье и на Сахалине, будучи в большинстве своем православными, в XIX–начале XX в. по религиозным причинам избегали браков с местным коренным населением, считая его язычниками, не выполняющими основных предписаний христианства [7, с. 24, 25].

Если в конце 1970-х гг. они составляли у эвенков Амурской области 10,7 % от общего числа парных семей [8, с. 58], то в 2002 г. – 56,7 %. Аналогичная ситуация отмечается в Хабаровском крае и на Сахалине. Среди смешанных преобладают браки с русскими и другими приезжими. В Амурской области они составляют 91,7 % от всех смешанных, в Хабаровском крае – 81 %, при этом в абсолютном большинстве таких семей муж является представителем приезжего населения [9, с. 112].

Изменения в жизни эвенков оказали огромное влияние и на характер браков. Теперь во многих районах в иноэтнические браки вступает больше женщин. Для мужчин характерны однонациональные браки, браки с якутками и представительницами других народов Севера. Бамовский «след» отчетливо прослеживается в национальной принадлежности супругов (мужчин) в смешанных семьях. Женщины выходят замуж часто за приезжих различных национальностей. Например, появились браки с азербайджанцами, евреями, тувинцами, цыганами и др., однако преобладают все же браки местных женщин с русскими и украинцами как со старожилами, так и с прибывшими недавно. Подобная тенденция во многом объясняется и неблагоприятным соотношением полов у эвенков.

Устойчивая тенденция к росту числа смешанных браков наблюдается в последние десятилетия. Нельзя не учитывать и то, что новые семьи уже создают и будут создавать метисов во втором и третьем поколениях. Так, у эвенков Тындинского и Зейского районов в связи со строительством БАМа в национальных селах выросло целое поколение, которое сами эвенки называют «дети

БАМа». Молодежь из этнически неоднородных семей легче вступает в смешанные браки. Во всех селах преобладают семьи, в которых муж является русским или представителем другой некоренной национальности [10, с. 258].

У ороков (уйльта) Сахалина в конце XIX–начале XX в. предпочтительны были брачные партнеры, ведущие аналогичный образ жизни: орочен, тунгусы и негидальцы имели схожие сферы деятельности; в то время как с гыляками, а особенно со славянским населением, ведущими иной вид деятельности, межэтнические браки были редки [11, с. 96]. Со второй половины XIX в. по 1990-е гг. больше половины браков уйльта (ороков) было заключено с людьми других национальностей, большая половина из них – расовые и этнические метисы, предки которых принадлежали к двум–четырем национальностям; однонациональные браки составляли менее 10 %. Мужьями в смешанных браках были эвенки, нивхи, негидальцы, айны, японцы, корейцы, украинцы, русские, а также мордвин, тувинец, казах, узбек.

Огромное влияние на рост смешанных браков оказывает тот факт, что этнос разделен на две территориальные группы, между которыми практически не поддерживаются брачные связи. Во-вторых, молодое поколение женщин предпочитает заключать браки с представителями других этносов, чаще с русскоязычными европеоидами, чем с представителями монголоидной расы (корейцами, эвенками). Поэтому отмечается высокий уровень метисации на протяжении второго и третьего поколений. Кроме того, для уйльта характерны запреты на близкородственные браки. Анализ родословных, а также удельный вес общего числа фамилий в северной группе свидетельствуют о наличии высокой степени родства современного репродуктивного поколения. Поэтому молодым мужчинам, учитывая сохраняющийся у северной группы кочевой образ жизни и низкий социальный уровень жизни, труднее создать семью с представительницами других этносов. По этим же причинам молодые женщины не хотят вступать в брак с представителями своего этноса [12].

На сегодняшний день 19 % всех смешанных семей приходится на браки с русскими или украинцами. Нужно отметить, что для женщин уйльта наиболее престижным считается брак с приезжим европеоидом. Чаще всего это русский или русскоязычный человек другой национальности, которого в большинстве случаев называют русским. Не случайно также, что 70 % браков русских с уйльтами заключены в пос. Вал, где работает много молодых неженатых приезжих мужчин, тогда как одиноких приезжих женщин практически нет [3, л. 82].

Примерно столько же, сколько и русско-уйльтских семей, составляют смешанные семьи, где уйльт женат на эвенкилке, нанайке, нивхке и уйльтка замужем за эвенком, нивхом и нанайцем. В промышленном городе Поронайске, в котором преобладает постоянное приезжее население, в основном семейное, браков русских с уйльтами всего 30 %. В то же время есть браки уйльтов с русскими и украинскими женщинами. Одна из причин подобных браков в том, что уйльта, живущие в Поронайске и работающие

в промышленности и сфере обслуживания, почти ничем не отличаются в культурно-бытовом отношении от приезжего населения [13, с. 90, 91].

Следует отметить, что, по утверждению самих уйльта, брак уйльта с эвенкийкой или эвенка с уйльткой рассматривается не как межнациональный, а как одноэтничный. Очевидно, это объясняется близостью языков, культуры, хозяйства, антропологического типа, которая еще более усилилась после ликвидации мелких колхозов и сселения всех уйльта в пос. Вал (северные ороки) и Поронайск (южные ороки), а эвенков – в центральную усадьбу совхоза «Оленевод» – пос. Виахту на западном побережье Сахалина. Окончательный переход к оседлости, нивелировка культурно-бытового уклада привели к значительному сближению эвенков и уйльта, к осознанию своей близости, похожести, по сравнению, например, с нивхами. Данные родословных линий уйльта говорят о существовании эвенкийско-уйльтских браков еще во второй половине XIX в. Уйльто-нивхские семьи есть только в Поронайске и районном центре Ноглики, т.е. в городских условиях, в отрыве от традиционных занятий и при почти полной потере традиционной культуры. В пос. Вал, где в той или иной степени сохраняются традиционная культура и хозяйства, и где уйльта живут компактно, объединяясь во круг отделения совхоза, браков между нивхами и уйльта нет. Не было их и в прошлом, что объясняют несхожестью их хозяйственной деятельности и связанными с этим различиями в материальной и духовной культуре [14, с. 143; 3, л. 83].

Таким образом, анализ актовых записей управления ЗАГСов Хабаровского края и Сахалинской области, данных Амурского областного комитета государственной статистики и похозяйственных книг, позволил сделать вывод о том, что если во второй половине XIX в. у всех народов преобладали одноэтнические браки, а в смешанные, за исключением разве только южной группы ороков, чаще вступали мужчины; то со второй половины XX в. стали превалировать смешанные браки, в которые более охотно вступали уже женщины. Кроме этого, если раньше межэтнические браки заключались, главным образом, между представителями разных КМНС, то в настоящий момент преобладают браки со славянским населением.

Причины современной демографической ситуации, а именно ориентации молодежи на модель «русский-аборигенка» и «абориген-русская» необходимо искать, исходя из исторических и социальных особенностей этносов. Во-первых, огромное влияние на это оказывает тот факт, что этносы разделены на территориальные группы, между которыми, в силу большого процента кровнородственных связей, практически не поддерживаются брачные связи. Во-вторых, неблагоприятное соотношение полов. У всех КМНС, согласно переписям населения, женщин больше, чем мужчин, особенно в репродуктивном возрасте. Поэтому получается, что для почти пятой части всех женщин-аборигенок смешанный в этническом отношении брак – единственная возможность создать семью. В реальной жизни ситуация еще сложнее. Помимо этого, при заключении браков в настоящее время важ-

ную роль играют психологические и культурные факторы. Подобная тенденция во многом объясняется неблагоприятным соотношением полов у указанных этносов. Так, по данным переписи 2020 г., в Хабаровском крае на 833 мужчин-нивхов приходится 1009 женщин, на 1509 мужчин-эвенков 2200 женщин, на пять мужчин-уйльта – семь женщин; в Сахалинской области ситуация аналогичная: на 816 мужчин-нивхов приходится 1032 женщины, на 75 мужчин-эвенков – 96 женщин, на 93 мужчин-уйльта – 123 женщины [15]. Получается, что для почти пятой части всех женщин-эвенкиек смешанный в этническом отношении брак – единственная возможность создать семью. В целом социальный статус женщин выше, чем у мужчин, и далеко не каждая нивхинка, эвенкийка, уйльтинка соглашается связать свою жизнь с человеком, социально-культурные характеристики которого не соответствуют ее ожиданиям. Одной из причин того, что девушкам перестали нравиться парни из народов Севера, служит нежелание последних заниматься хоть чем-нибудь. Все это еще более усугубляет диспропорцию полов и поиск брачных партнеров вне своего этноса.

Источники и литература

1. Смоляк, А. В. Социальная организация народов Нижнего Амура и Сахалина в XIX–начале XX в. / А. В. Смоляк // Общественный строй у народов северной Сибири: XVII – нач. XX вв. / отв. ред. : И. С. Гувич, Б. О. Долгих. – Москва, 1970. – С. 264–299.
2. Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (далее – Архив ИИАЭ ДВО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 403. 3–02 л.
3. Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 416. 711 л.
4. Фадеева, Е. В. Социально-демографические процессы у нивхов Сахалина / Е. В. Фадеева // Историческая демография. – 2009. – № 1 (3). – С. 69–73.
5. Фадеева, Е. В. Семья нивхов / Е. В. Фадеева // История и культура нивхов. Историко-этнографические очерки / отв. ред. В. А. Тураев – Санкт-Петербург : Наука, 2008. – С. 28–59, 250–252.
6. Смоляк, А. В. Народы Севера и Дальнего Востока / А. В. Смоляк // Семейный быт народов СССР. – Москва, 1990. – С. 307–336.
7. Пилсудский, Б. О. Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904 г. Препринт / Б. О. Пилсудский. – Южно-Сахалинск : ИМГиГ ДВО АН СССР, 1989. – 76 с.
8. БАМ и народы Севера / отв. ред. В. И. Бойко. – Новосибирск : Наука: Сибирское отделение, 1979. – 176 с.
9. Фадеева, Е. В. Социальная организация и семья / Е. В. Фадеева // История и культура дальневосточных эвенков / отв. ред. В. А. Тураев. – Санкт-Петербург : Наука, 2010. – С. 98–121.
10. Тураев, В. А. Дальневосточные эвенки между прошлым и будущим / В. А. Тураев // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения): сборник научных статей. – Владивосток : Дальнаука, 2008. – С. 251–270.

11. Миссонова, Л. И. Уйльта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа / Л. И. Миссонова. – Москва : Наука, 2006. – 295 с.
12. Стеблина, Н. П. Демографические процессы в популяции уйльта (ороков) Сахалинской области / Н. П. Стеблина, Т. П. Роон. – URL : [http:// icrap.org/ru/ steb-roon3.html](http://icrap.org/ru/steb-roon3.html) (дата обращения: 28.04.2013).
13. Фадеева, Е. В. Семья и семейный быт / Е.В. Фадеева // История и культура уйльта (ороков) Сахалина: историко-этнографические очерки (XIX–XXI вв.) / отв. ред. В. В. Подмаскин. – Владивосток : ООО «Дальнаука», 2021. – С. 74–96.
14. Кузнецов, А. И. Ульта о. Сахалина через 86 лет после Бронислава Пилсудского / А. И. Кузнецов // Б. О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина (Материалы Междун. науч. конф. 31 октября – 2 ноября 1991 г. г. Южно-Сахалинск). – Южно-Сахалинск : Сахалинский областной краеведческий музей, 1992. – С. 142–147.
15. Национальный состав населения Российской Федерации согласно переписи населения 2021 года // Архивировано 30 декабря 2022 года. (дата обращения : 05.01.2023).
7. Pilsudsky, B. O. Iz poezdki k orokam o. Sahalina v 1904 g. Preprint [From a trip to the Oroks of Sakhalin in 1904. Preprint] / B. O. Pilsudsky. – Yuzhno-Sakhalinsk: IMGiG (Institut morskoj geologii i geografii) DVO AN SSSR [Institute of Marine Geology and Geography, Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences], 1989. – 76 p.
8. BAM i narody Severa [BAM and the peoples of the North] / Ed. V. I. Bojko. – Novosibirsk: Nauka: Siberian Branch, 1979. – 176 p.
9. Fadeeva, E. V. Social'naya organizaciya i sem'ya [Social organization and family] / E. V. Fadeeva // Istoriya i kul'tura dal'nevostochnyh evenkov [History and culture of the Far Eastern Evenks] / Ed. V. A. Turaev. – St.Petersburg: Nauka, 2010. – P. 98–121.
10. Turaev, V. A. Dal'nevostochnye evenki mezhdru proshlym i budushchim [The Far Eastern Evenks between past and future] / V. A. Turaev // Tunguso-man'chzhurskaya problema segodnya. (Pervye Shavkunovskie chteniya) [The Tungus-Manchu problem today (First Shavkunov readings)]: Collection of sci. papers. – Vladivostok: Dal'nauka, 2008. – P. 251–270.
11. Missonova, L. I. Ujl'ta Sahalina: bol'shie problemy malochislennogo naroda [Uil'ta of Sakhalin: big problems of national minority] / L. I. Missonova. – Moscow: Nauka, 2006. – 295 p.
12. Steblina, N. P. Demograficheskie processy v populycii Uyl'ta (Orokov) Sahalinskoj oblasti [Demographic processes in the Uyl'ta (Oroks) population of the Sakhalin region] / N. P. Steblina, T. P. Roon. URL: [http:// icrap.org/ ru/steb-roon3.html](http://icrap.org/ru/steb-roon3.html) (accessed: 28.04.2013).
13. Fadeeva, E. V. Sem'ya i semejnyj byt [Family and family life] / E. V. Fadeeva // Istoriya i kul'tura ujl'ta (orokov) Sahalina: istoriko-etnograficheskie ocherki (XIX–XXI vv.) [History and culture of the Uyl'ta (Oroks) of Sakhalin: historical and ethnographic essays (XIX–XXI centuries)] / Ed. V. V. Podmaskin. – Vladivostok: ООО «Dal'nauka», 2021. – P. 74–96.
14. Kuznetsov, A. I. Uil'ta o.Sahalina cherez 86 let posle Bronislava Pilsudskogo [Uil'ta of Sakhalin 86 years after Bronislav Pilsudsky] / A. I. Kuznetsov // B. O. Pilsudsky – issledovatel' narodov Sahalina (Materialy mezhdun. nauch. konf. 31 oktyabrya – 2 noyabrya 1991 g. Yuzhno-Sahalinsk) [B.O. Pilsudsky – researcher of the peoples of Sakhalin (Materials of the Intern. Sci. Conf. October 31 – November 2, 1991, Yuzhno-Sakhalinsk)]. – Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalin Regional Museum of Local Lore, 1992. – P. 142–147.
15. Nacional'nyj sostav naseleniya Rossijskoj Federacii soglasno perepisi naseleniya 2021 goda [National composition of the population of the Russian Federation according to the 2021 population census] // Accessed: 05.01.2023 / Archived: 30.12.2022.

References

Информация об авторе:

Фадеева Елена Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии, ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (690001, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89; e-mail: ev_fadeeva@mail.ru).

Author:

Elena V. Fadeeva – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, RAS (89, Pushkin st. Vladivostok 690001, Russian Federation; e-mail: ev_fadeeva@mail.ru).

Для цитирования:

Фадеева, Е. В. Брачные предпочтения женщин и мужчин из числа представителей коренных народов Нижнего Амура и Сахалина / Е. В. Фадеева // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2023. – № 8 (66). – С. 92–97.

For citation:

Fadeeva, E. V. Marriage preferences of women and men from among the representatives of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin / E. V. Fadeeva // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical demography". – 2023.– No. 8 (66).– P. 92–97.

Дата поступления статьи: 31.08.2023

Прошла рецензирование: 04.09.2023

Принято решение о публикации: 07.09.2023

Received: 31.08.2023

Reviewed: 04.09.2023

Accepted: 07.09.2023